

парадигм одновременно являются как определенными, так и неопределенными, как тематическими, так и рематическими. Возникающие в параллелизме вторичные парадигмы рассматриваются в качестве личных сообщений.

Поскольку главный стих содержит основные моменты грамматического строения и его исходные точки для вторичных парадигм, то и информация главного стиха является первичноязыковой. Передача вторичной информации начинается с добавления послестиха к главному стиху. Первичную информацию послестиха дает лишь в той мере, в которой ее требует вторичная информация. Закономерности информационной структуры, обуславливающие построение параллелизма, в работе полностью выявлены. Многие стороны инфоструктуры параллелизма рассматриваются отдельно с точки зрения разных типов песни. Так, в эпических песнях тематические и рематические элементы дифференцируются более четко, чем в других

рассматриваемых типах. Некоторые особенности имеют также песни из Каркси и песни Май Капрал, прежде всего в части варьирования компонентов ситуации. Все эти особенности автором показаны наглядно.

И в этой главе анализ обширного материала и выводы сведены в формулы. Дополнительный материал предлагают помещенные в приложении таблицы.

В заключении (18 с.) подводятся итоги результатам анализа. Выводы возражений не вызывают.

Работа свидетельствует о том, что Х. Метсланг глубоко знает исследуемый материал и разработала необходимую для его анализа методику. Результаты исследования представляют интерес не только для эстонского и финно-угорского языкознания, но и для общего языкознания и, естественно, для фольклористики и литературоведения.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1980.1.18>

Я. А. Глухий, Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1976.

24 ноября 1978 г. на заседании Специализированного совета Д 002.17.04 по присуждению ученой степени доктора наук при Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР старший преподаватель Томского государственного педагогического института Я. А. Глухий успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным». Работа выполнена в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (далее: ЛЭФИ) под руководством доктора филологических наук профессора Е. И. Убрятовой при консультировании заведующим лабораторией В. М. Наделяевым. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Л. В. Бондарко и кандидат филологических наук доцент М. Я. Бармич. Ведущим научным учреждением, давшим

заключение по диссертации, был Тартуский государственный университет (кафедра финно-угорских языков).

Я. А. Глухий выполнил свою работу в рамках темы «Фронтальное экспериментально-фонетическое исследование звуковых систем народов Сибири и отдельных регионов», осуществляемой в течение ряда лет в ЛЭФИ под руководством и по методике В. М. Наделяева. Как известно, еще А. П. Дульзон выступал за развертывание широкого фонетического исследования самодийских языков с целью дальнейшего применения фонетических данных в различных обобщениях лингвистического и исторического характера для решения проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков. В частности, еще при его жизни Я. А. Глухий и В. А. Сусеков начали сбор и первичную обработку материалов по диалекту бай энецкого языка. Теперь определенный этап их исследовательской работы завер-

шен (В. А. Сусеков, Вокализм энецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале диалекта бай). Канд. дисс., Новосибирск 1977; рецензируемое исследование).

Я. А. Глухий посвятил свою работу описанию подсистемы консонантизма в современном энецком языке (диалект бай). Актуальность ее не подлежит сомнению, ибо тема до сих пор не была предметом специального исследования; кроме того, особая проницаемость именно звукового аспекта энецкого языка в отношении иноязычного воздействия диктует совершенно безотлагательные задачи по исследованию энецкой фонетики в наши дни. Научная новизна работы определяется прежде всего тем, что она является первым в истории самодеятельного экспериментально-фонетическим исследованием энецкого консонантизма. В научный оборот вводятся конкретные материалы, обобщения и выводы, необходимые в самых различных отраслях уралистики и общего языкознания. Эти материалы будут способствовать развитию синхронно-сопоставительного и сравнительно-исторического анализа звуковых систем родственных языков, послужат основой для дальнейшего изучения энецкого языка в диалектологическом аспекте. Трудно переоценить и значение работы как своего рода модели для последующего познания самодийской фонетики экспериментальными методами. Ценный материал получает раздел лингвистики, занимающийся разработкой теории артикуляционных баз, их типологии и классификации. И, наконец, материалы, положения и выводы работы имеют чисто прикладное значение: они могут быть применены в практике преподавания общелингвистических дисциплин на филологических факультетах университетов и педагогических институтов, не говоря уже о дисциплинах уральского цикла в вузах наших финно-угорских республик и зарубежных стран. Материалы диссертации послужат и лингвогеографии (при составлении атласа языков и диалектов Сибири), и методике (при обучении русскому и иностранным языкам представителей народностей Севера).

Общей целью исследования явилась экспериментальная проверка фактического материала для определения и описания структурного типа подсистемы консонан-

тизма в диалекте бай энецкого языка на современном синхронном срезе. Автором намечаются и решаются конкретные задачи по а) выявлению состава консонантных фонем, б) установлению их позиционно-комбинаторного распределения в потоке речи, в) уточнению артикуляционно-акустических характеристик их оттенковых проявлений, г) обобщению качественных характеристик фонем и — в итоге — д) определению конститутивно-дифференциальных признаков согласных фонем. Следует сразу сказать, что с поставленными задачами Я. А. Глухий справился в целом весьма успешно.

Языковой материал, на котором строится обсуждаемая работа, представляет собой четыре тома полевых записей (3403 с.), полученных в пяти лингвистических экспедициях в пос. Потапово Дудинского района Красноярского края в 1972—1976 гг. (в автореферате иначе — 1972—1975, см. с. 4). Материал этот и в качественном, и в количественном отношении уже сам по себе представляет значительную научную ценность: он включает не только новейшие полевые транскрипционные записи бытовой речи энцев, их рассказов, сказок, отдельных предложений и слов, но и магнитофонные записи, а также специальные программы для экспериментально-фонетической обработки. Полевые материалы записаны от 12 дикторов-энцев, а специальные экспериментально-фонетические программы — от 3 дикторов. Учитывая большие трудности в подборе людей, способных давать квалифицированную информацию по энецкому языку, такое количество дикторов следует признать достаточным для относительной достоверности наблюдений.

Успешному решению поставленных задач в немалой степени способствовала верно найденная методика исследования, точнее, оптимальное соотношение традиционных методов и методов экспериментальной фонетики. Среди последних применены: пневмоосциллографирование (погирание), осциллографирование, дентопалатографирование, статическое рентгенографирование и фотографирование. В отношении примененных методов лингвистического исследования и верификации выявленных особенностей работа отвечает всем требованиям, которые могут быть предъявлены к исследованию синхронного

плана. В ряде случаев, однако, было бы весьма плодотворным применение элементов сравнительно-исторического анализа и метода вероятностно-статистической оценки полученных данных (подробнее об этом — ниже).

Диссертация состоит из введения, четырех основных глав и приложения. Она достаточно полно иллюстрирована 83 рисунками и 27 таблицами, выполненными очень тщательно. К сожалению, большая часть иллюстративного материала осталась неиспользованной в диссертации в прямом виде — автору надлежит подумать, как ввести в научный оборот поистине уникальный и бесценный материал. Справочный аппарат содержит 174 источника — наиболее важные работы в области самоедологии и фонетики. В приложении приведены интересные данные о дикторах, программы экспериментального исследования, обобщенные таблицы по характеристикам фонем; несомненно полезной для читателя будет таблица соответствий транскрипционных знаков УУФТ (по Шербе—Наделяеву) и ФУТ — правда, она отражает преимущественно кардинальные знаки, а система диакритики в ней не показана, поэтому уралистам, привыкшим к другой системе, будет все же трудно ориентироваться в части материала.

Достаточно традиционно составленное «Введение» состоит из двух разделов: «Цель и методика исследования» и «История изучения энецкого языка». Здесь наибольший интерес вызывает довольно подробное описание системы экспериментально-фонетического исследования, принятой в ЛЭФИ, а также описание конкретных методик, разработанных В. М. Наделяевым. Необходимо было лишь точнее разъяснить транскрипцию индексации для анализа палатограмм и рентгенограмм. Кроме того, в первом разделе хотелось бы видеть более обоснованную трактовку терминов «наречие» и «диалект» как в общелингвистическом плане, так и в применении к энецкому языку. Затруднения диссертанта в этом отношении отчасти понятны (учитывая чрезвычайно слабую изученность энецкого языка в диалектологическом аспекте), но хотя бы косвенно обосновать рабочую схему диалектных подразделений энецкого языка с применением известного комплекса этиолингви-

стических критериев следовало бы. Не совсем понятно, почему объектом исследования явился именно диалект бай. Во втором разделе излишне описывается вся история изучения энецкого языка, следовало бы акцентировать внимание на истории разработки его фонетики.

В первой главе «Дистрибуция согласных звуков и состав консонантных фонем в диалекте бай энецкого языка» Я. А. Глухий подробно описывает 26 согласных звуков, которые методом дистрибутивного анализа обобщены в 21 фонему. Устанавливаются закономерности позиционного и комбинаторного функционирования оттенков согласных фонем. Интересно, что в энецком языке, судя по данным Я. А. Глухий, действуют приблизительно те же закономерности в оформлении консонантных сочетаний, что и в селькупском: консонантные сочетания обычно выравниваются по глухости, а сочетания двух шумных звонких предельно ограничены; намечается тенденция к изменению прежней структуры энецкого слова в сторону увеличения инлаутных двуконсонантных сочетаний (или геминаций) из-за полной редукции гласных, т. е. бывшие периодические цепи типа CVCVCV трансформируются в CVCCV, например: *pađita ~ patta* 'я наполнил' (с. 23), *bogoku ~ bakku* 'ямка' (с. 39). Это имеет параллели в других самодийских языках. К сожалению, автор ничего не говорит о действии иной тенденции, также очевидной при элементарном сравнении с другими самодийскими языками, особенно селькупским: исконные двуконсонантные сочетания в энецком практически полностью упростились, пройдя при этом два этапа: а) полная регрессивная ассимиляция и геминация как ее результат, б) упрощение геминат (которые фиксировались еще относительно недавно, во времена М. А. Кастрена). Ниже для иллюстрации этого положения приводятся современные энецкие формы, зафиксированные Я. А. Глухий, далее — соответствующие формы по Кастрену и, наконец, селькупские параллели (по Эрдейн): *ade — adde — wənti* 'нельма', *adu — addu — unti* 'вошь', *peda — jedda — ponti* 'камыс', *ədo — oddu — anti* 'лодка', *ido — iddo — inti* 'лук', *kodo — koddo — qanti* 'нарта', *adəðʔ* 'садись' — *addeo* 'сажусь' — *omtak*

то же, *duda* — (Терещенко) *дюда* — *čuntī* 'лошадь', *aga* — *agga* — *warqī* 'большой', *dago* — *jaggua* — *čänka (-i)* 'нет, отсутствует', *poga* — *foga* — *poq-qi* ~ *poŋge* 'сеть', *dʒu* — (Терещенко) *dʒo* — *čankī* 'ловушка', *bagə* — *baggo* — *kokka* ~ *koŋgə* 'яма', *nīga* — *nigga* — *narqī* 'тальник', *ito* — *ito*, (Паллас) *ытто* — *optī* 'волосы', *tetə* — *teto* — *tettī* 'четыре', *mətu?* — (Терещенко) *мотту* — *muktīt* 'шесть', *bata* 'он налил' — *batabo* 'наливаю' — *qamiŋo* 'наливь', *teʔa* — *obto* — *aptī* 'запах; пахнет'.

Нельзя не остановиться подробнее на трактовке гортанного смычного — одного из характернейших элементов энецкой звуковой системы. Я. А. Глухий констатирует — в противовес данным Н. М. Терещенко и некоторых других исследователей — факультативность и взаимозаменяемость гортанного ротового и гортанного назализованного, что дало ему вполне достаточные основания для выделения только одной гортанной фонемы. В дальнейшем изложении (с. 117—126) он приводит исчерпывающие доказательства в пользу выдвинутого положения, описывая артикуляторные настройки разных оттенков гортанного смычного и показывая качественно-количественные характеристики этих оттенков по выявленным компонентам. Привлекает внимание рассмотрение факультативности назализации гортанного в общесистемном плане, т. е. в плане реализации общей тенденции к ослаблению напряженности артикуляции (с. 120). Еще одним следствием этой тенденции может считаться и тот факт, что экспериментальные данные вскрывают щелевую реализацию гортанной фонемы. Можно согласиться, что по итогам анализа экспериментальных данных в диалекте бай энецкого языка на синхронном срезе выявляется только одна гортанная фонема, реализующаяся преимущественно в ртовых, реже и факультативно — в ротовых финально-назализованных оттенках, которые, возможно, являются рефлексамися исчезнувших консонантов (с. 126). Я. А. Глухий отмечает чередование гортанного смычного со звонким щелевым *δ*: *taʔ* ~ *taδ* 'дай', *məʔ* ~ *məδ* 'делай' (с. 44) — это положение по-своему согласуется с данными исторической фоне-

тики и морфологии самодийских языков, по которым для ртового гортанного смычного устанавливается чередование со взрывными, а для назализованного — с гомоганными носовыми. В целом же заметна явная ущербность наличного статуса гортанной фонемы — видимо, Я. А. Глухий прав, говоря о том, что она находится на пути исчезновения. Естественно ожидать, что сокращение сферы употребления гортанной фонемы (вплоть до исчезновения) должно с неизбежностью повлечь за собой заметные сдвиги и в подсистеме гласных, и в самой структуре энецкого слова. Самоедологи и специалисты по общей фонетике, занимающиеся типологией гортанных в разносистемных языках мира, несомненно почерпнут из диссертации немало интересного относительно энецкого гортанного.

Главы вторая «Шумные» и третья «Малозумные» построены однотипно, в них описывается позиционно-комбинаторное использование фонем с общей характеристикой артикуляционных настроек оттенков и вскрытием качественно-количественных характеристик фонем — все это для надежного определения наличных структурных типов в группах шумных и малозумных согласных. Трактовка экспериментальных данных ведется в плане выявления фонологической релевантности различных консонантных признаков: придыхательности—непридыхательности, краткости—долготы, силы—слабости, звонкости—глухости и т. п. Я. А. Глухий приходит к выводу, что в диалекте бай наиболее последовательно проявляется оппозиция шумных и малозумных, причем в шумных ведущим фонематическим признаком выступает степень напряженности (слабые—сверхслабые), а в малозумных — канальность (ртовые—носовые). Признаки слабости—сверхслабости как фонематические сопровождаются фонетическими признаками глухости—звонкости и долготы—краткости, что находит параллели в других самодийских языках, по крайней мере в селькупском. На первом этапе исследования Я. А. Глухий считал даже, что долгота—краткость является ведущим фонематическим признаком. В таком подходе было свое рациональное зерно, поскольку некоторые факты говорили в его пользу (тем более, что противопоставление согласных по степени дли-

тельности отнюдь не чуждо уральским языкам — ср. положение в финском или эстонском языках). Однако более тщательное исследование системных соотношений консонантных признаков показало ведущий характер степени напряженности. Не оспаривая итоги исследования в целом, считаем возможным допустить, что предложенная в диссертации схема и на сей раз в каких-то деталях неокончательна. Колебания автора в оценке фонологичности—нефонологичности тех или иных признаков представляются неслучайными. Эти признаки необходимо интерпретировать в процессуальном плане, т. е. как отражение наличного состояния энецкого консонантизма, в котором протекают различные процессы, направленные на определенные смещения в фонологических оппозициях. Синхронный срез должен мыслиться не как нечто статичное, а как своего рода промежуточный этап — скажем, оппозиция по долготе находится в процессе замещения оппозицией по степени звонкости или напряженности; в истории различных языков подобные явления вовсе не уникальны.

Для иллюстрации своих положений автору следовало бы здесь более дифференцированно подходить к материалу, исключая возможность его двойной трактовки — например, см. с. 128, где приведены долготные характеристики *d* и *t* в словах *ido* 'лук (для охоты)' и *ito* 'волосы': с исторической точки зрения здесь мы имеем дело с недавно упростившимися инлаутными консонантными сочетаниями (см. выше). По той же причине не совсем показательно и сравнение *dõgu* 'ловушка' (с упростившимся консонантным сочетанием, ср. сельк. *čaŋki*) с *dõku* 'сирота', где наличествует исконный одиночный согласный, ср. сельк. *čega*. Надежнее было бы обратиться к примерам с исконным единичным интервокальным согласным, хотя, естественно, для этого необходим солидный историко-фонетический анализ.

Я. А. Глухий провел чрезвычайно объемную и полезную вычислительную работу; хотелось бы все же в некоторых случаях видеть в работе вероятностно-статистическую оценку полученных данных, скажем, по частотности оттенков фонем, по консонантным сочетаниям и т. п. Говоря, к примеру, в обобщенном виде

о разбросе звонкости и глухости (с. 70), автор не показывает действительную среднюю величину, или хотя бы более определенную зону разброса, к которой тяготеют наличные величины. А ведь здесь возможны значительные колебания и различные тенденции.

Необходимо остановиться и на ряде частных недостатков и нелогичностей в оформлении того или иного положения.

Так, на основе субъективного восприятия Я. А. Глухий в предварительном порядке подразделяет все согласные на шумные и малошумные вместо традиционного деления на шумные и сонорные (с. 46—47), хотя в табл. 6 на с. 48 речь идет о шумных и сонорных, то же и на с. 18.

Несколько натянутым выглядит отношение согласных *š* и *ś* к среднеязычным (с. 32); по нашему мнению, они скорее переднесреднеязычные, о чем, кстати, имеется и вполне эксплицитное свидетельство самого автора (с. 33 и сл., с. 176).

На с. 173 Я. А. Глухий весьма опростительно утверждает, что в энецком языке нет противопоставления признаков смычности—щелинности в фонологическом аспекте, хотя сам и опровергает это на с. 170 (п. 6), считая тип преграды конститутивно-дифференциальным признаком, и на с. 176, давая определение фонем *t* и *θ*, *d* и *ð*, различающихся попарно только смычностью—щелинностью; см. также схему-дерево согласных фонем, с. 178.

В работе по-разному отображается длительность гласного: *b'ēδi* 'кишка', *ēb'i* 'моя мать' наряду с *beer* '(я) бросил (сейчас)' (с. 19), *meer* 'я сделал' (с. 200). Следовало бы как-то пояснить подобную дифференциацию. Нам представляется, что в формах типа *meer* двойной гласный *-ee-* должен чем-то отличаться от долгого *-ē-*: скорее всего, здесь произошло выпадение согласного, возможно гортанного (**me'ep*, ср. сельк. Ласк. *teyar* ~ *me'ar* ~ *tear* 'я сделал (что-то)'), но стяженные гласные еще не достигли статуса долгого. Впрочем, это скорее проблема вокализма, решать ее надо в специальном исследовании.

Характеризуя неоднородность согласных, Я. А. Глухий указывает их т. н. компонентный состав (с. 51 и сл., 62 и сл.). Однако этот состав отражает в общем-то

известные и по-своему универсальные свойства артикулирования согласных во времени; оценить же специфические особенности именно энецких согласных по приведенным данным нельзя, поскольку «эталонный» состав не определен.

Таблицы, вынесенные в приложение, иногда затруднительно читать, так как не видно, какие именно фонемы табулируются (см. с. 213—216, 219—220, 223—226, 228).

В библиографическом списке есть случаи неполного отражения выходных данных (см. 62, 81). Кроме того, в тексте имеются ссылки приблизительно лишь на половину источников, включенных в список.

Необходимо отметить, что диссертация хорошо оформлена и написана корректным языком, для которого характерна стилистическая выдержанность и четкая терминология.

Опубликованные статьи Я. А. Глухий показывают этапы работы по исследованию консонантизма энецкого языка и вместе с авторефератом отражают основной материал диссертации. В них отражена и некоторая эволюция взглядов автора на системные характеристики энецкого консонантизма, а также заметно, что ранее он придавал большее значение закону контрастной корреляции, чем это показано в диссертации (см. с. 164, 170—171).

Я. А. Глухий выполнил первое подробное исследование системы консонантизма диалекта бай энецкого языка, к тому же на основе экспериментальных данных. Естественно, оно не свободно от недочетов и спорных моментов, но не это определяет его сущность. Главное в том, что своей работой Я. А. Глухий вносит заметный вклад прежде всего в самоедологию, а также в уралоистику и общую фонетику.

Ю. А. МОРЕВ (Томск)